

Святослав Логинов

Миракль рядового дня

Святослав Логинов

Миракль рядового дня

«Автор»

Логинов С. В.

Миракль рядового дня / С. В. Логинов — «Автор»,

В день святого Стефана явился великий миракль – два мира просочились друг в друга. Теперь жители средневековых селений и обитатели небольшого города будущего видят людей иного времени. И несмотря на то, что они кажутся друг другу лишь бесплотными призраками, невозможно не сопереживать своим «соседям». А как мучительно осознавать, что невозможно помочь ближнему!

© Логинов С. В.

© Автор

Святослав Логинов

Миракль рядового дня

День начинался обычный – невеликий праздник святого Стефана, и жизнь шла будним порядком, только маленький Стефан бегал по случаю именин в новой, специально для того сшитой рубахе, да Ханна торопилась дошить штаны Якову. Это тоже был подарок имениннику: старые Яковы штаны должны были отойти Базилу, и тогда Базилевы порты, из которых он напрочь вырос, станут первой мужской одеждой Стефана. Ещё к вечеру готовился пирог. И ничто поначалу не предвещало чудес, но к полудню явилось знамение. Тяжко ударило вдруг в безбрежно голубеющем небе, грохнуло, но не трескучим грозовым раскатом, а словно сам Антихрист хлопнул единожды в ладоши, или лопнул туго надутый бычий пузырь, да так лопнул, что качнулись деревья, дрогнули дома, а улежавшиеся за годы брёвна стен закрипели, укладываясь по-новому. Разом смолкли птицы, зато собаки со всех дворов завыли, скликаая беду. И с треснувшего неба ответно завыло, ровным утекающим звуком.

Малыши, разбредшиеся между сараев, разом кинулись домой, а Лидия – старшая дочь Атанаса, оставила колыбель с новорожденным братом и метнулась зачем-то собирать развешенное после стирки бельё. Ханна, кинув рукоделье, плеснула воды в открытый дворовый очаг, на котором кипела к ужину похлёбка, и принялась сгонять во двор домашнюю птицу. Других взрослых возле дома не случилось, так что растерянность и испуг Ханны тут же передались младшим. Несколько малышей разом заревели, добавляя шуму в общий переполох. Удаляющийся небесный гул растворился в гомоне, но этого уже никто не замечал.

– Дети, домой! – надрывно крикнула Ханна, распахивая двери.

Но на пороге, загораживая проход, стоял Матфей – глава семьи: отец, дед и прадед всех живших на хуторе. По старости дед Матфей уже не выходил из дому, лишь по горнице ковылял, опираясь на палку, но слово его было законом и для маленьких, и для бородатых. Ханна остановилась было, но Матфей, сдвинувшись к косяку, проговорил:

– Детей загоняй, а птицу – обожди.

Сам же, приставив ко лбу ладонь, оглядел чистое небо, дорогу со спящей пылью, двор. Поймал за плечо Лидию, спешащую с ворохом тряпья, развернул назад.

– Раскудахтались, – проворчал он, хотя при появлении деда все разом затихли, даже Стефан и прадедов любимец – малыш Матфей-Матюшка примолкли. – И огонь залила, – продолжал дед, – а народ с поля вернётся, чем кормить будешь? Страхом твоим? Видишь же – нет ничего.

Ханна вернулась к очагу, наклонилась, отыскивая незагашенные угли. Дед Матфей медленно спустился с крыльца, уселся на завалинке, окидывая сторожким, не потускневшим с годами взглядом дальние и ближние окрестности, потому что хоть и отчитал молодуху за переполох, но сам был спокоен.

Матфеев хутор казался невелик – два дома, глядящие в утопанный переулок, амбар да общий крытый двор. В двух домах жили давно уже седобородые матфеевы сыновья. Петер и Томас сами имели и детей, и внуков, но, послушные родительской воле, делиться не смели и жили хотя и в разных домах, но одним хозяйством. Перед домами бугрился обведённый плетнём огород, а со стороны двора лежал широкий загон, сейчас отворённый, поскольку скотину угнали на пастбище. Стадо у Матфея было немаленькое, и земли нарезано с достатком. Жил хутор крепче иных усадеб и известен был и в городе, и среди дворянства. Ленную долю Матфей платил монастырю, под который сам когда-то пошёл, понимая, что святые отцы хозяйствуют с умом и попусту мужиков бездолить не станут. В обители тоже привечали нелицемерно богомольную семью, каких немного было среди народа недавно перекрещённого в истинную веру и склонного к отступничеству и еретическим соблазнам.

С таким покровительством можно было жить спокойно, ничего не боясь, кроме мора и турецкого нашествия, но потому и прожил Матфей жизнь в достатке, что никогда не ленился побережиться лишний раз.

За домами послышался суматошный крик, хлопанье кнута; перекрывая возникший овечий разнобой, густо замычала корова. Матфей, гневно стукнув посохом в землю, распрямился. Стадо идёт. Ну куда они, среди бела дня? Чего испугался Кристиан? Грома небесного? Так тот давно замолк, да и Кристиан не тот парень, чтобы бояться знамений. А коли серьёзная беда: набег или что ещё, то уходить надо в лес, в болото, где всадник на тяжёлом коне вмиг увязнет.

Матфей встал и, кляня больные ноги, зашаркал по проулку. Из-за двора выбежал Кристиан – Томасов последний. Было ему восемнадцать лет, а он всё ещё гулял в парнях, поскольку ни отец, ни дед не могли подыскать ему среди соседских невест достойную пару.

– Дед! – закричал он, – смотри, что там!

Матфей дотопал до угла, откуда ожидал увидеть выгон, реку и дальний заболоченный лес. Замер, не веря глазам, дрожащей рукой наложил на лоб крест. Позади ахнула подбежавшая Ханна.

Нет, и пастбище, и лес были на месте, но за рекой, где расстилались монастырские луга, теперь поднимались к небесам светлые башни невиданного и попросту невозможного города. Весь город, казалось, состоял из одних башен, любая из которых вздымалась выше соборной колокольни. Что там было ещё, Матфей не мог разглядеть, видел лишь мост через реку и дорогу, которой прежде тоже не было. По дороге в сторону города, обгоняя друг друга, мчались мёртво-сверкающие чудища. Эта неодошевлённая армада, несущаяся по его земле, напугала старика сильнее всего. Крик Ханны привёл его в себя.

– Детей – в подпол, – распорядился Матфей, – и сама с ними запрись. А ты скотину гони к болоту, только кружным путём, подальше от этих... И Лидию в поле пошли, за отцом.

Звать, впрочем, никого не пришлось. Послышался стук копыт, в проулок влетел сидящий охлюпкой Атанас – старший из Матфеевых внуков.

– Ханна! – закричал он. – Ховай детей и пожитки! Светопреставление началось!

* * *

Хвойный Бор считался лучшим местом отдыха, так что детей в группе у Гелии всегда было много. Случались дни, когда Гелия оставалась одна с пятнадцатью детьми, что вообще-то не разрешалось, но Гелия не могла отказать родителям, особенно тем, чьих малышкой она знала давно. Дети же никогда не были ей в тягость. Но сейчас по лужайке перед коттеджем бегало ровно двенадцать детей: Жанна, Тата, Ирэн, две Марии (одна – Маша, другая – Мари), Юлия, Борис, требующий, чтобы его звали Бобом, и Робин, настаивающий на том же имени, белокурый Костик, темноволосый Чен, задира Максим и новенькая девочка с редкостным именем Пламена.

Час после полдника был самым лёгким в течении всего дня. Дети выходили гулять и играли друг с другом, а Гелия делала вид, что её здесь нет. Но при этом зорко присматривалась к играм. На самом-то деле не так много родителей бывают настолько заняты, чтобы отдавать своих детей в чужие руки, и приходится быть на высоте, чтобы тебя упрасивали взять ребёнка. Гелии недавно исполнилось двадцать лет, но её группа, входившая в свободную педагогическую сеть, была уже известна. Гелия соглашалась побыть с малышом два-три часа, пока мама управится с неотложными делами, брала детей и на неделю. А чтобы в этой ситуации дело обходилось без слёз и без зависти (неважно: к уходящим или к остающимся), детей надо знать – каждого по отдельности и особенно всех вместе, потому что вместе это совсем другие дети.

Вот сейчас Максим начнёт знакомиться с новенькой. Пока они были на глазах у всех, ему это казалось неудобным. Но ведь он и сейчас не один. Чен, хоть ему и нет дела до девочек, топ-

чется близости, да и сама Пламена, кажется, умеет защитить себя от любителей знакомств. Придётся вмешиваться, и лучше всего это сделает Тата. Она и постарше, и поспокойнее.

– Таточка, отнеси, пожалуйста, Пламенке мячик, а то у неё ничего нет.

Тата взяла мячик, но в этот момент воздух лопнул пронизывающим сверхзвуковым хлопком. Акустический удар ощутимо толкнул в грудь, качнулись сосны, кто-то из детей упал, неслышно заплакав. Гелия вскочила, задрала голову, пытаясь увидеть в небе белый инверсионный след нарушителя, – Кто посмел?! Летать в небе в атмосфере на скорости! – потом, махнув рукой – нарушителя всё равно найдут и накажут – бросилась успокаивать детей. И остановилась, словно второй удар, сильнее первого, обрушился на неё.

Поляна неузнаваемо изменилась. Там, где минуту назад не было ничего, кроме ухоженного газона и пятен сухой хвойной подстилки под редкими соснами, теперь поднимались кусты, переплетённые высокой, по грудь, травой. Макушки разбежавшихся детей были почти не видны среди скрещенных стеблей. Слава богу, судя по возгласам, с детьми было всё в порядке, случившееся они восприняли как новую интересную игру.

– Ребята, бежим на крыльцо! – крикнула Гелия. – Отсюда всё лучше видно!

Должно быть, голос подвел её, потому что дети появились на крыльце сразу и непривычно серьёзные. А Пламена по дороге сердито пнула вылезшую на самые ступени ракиту, и Гелия увидела, как кулачок девочки прошёл сквозь кривой ствол.

Так это голограмма! – вместе с успокоением Гелия ощутила азартную злость. – Ну она покажет этим шутникам, когда доберётся до них! Она их отучит и от быстрой езды, и от оптических эффектов. А пока используем выгоды момента и продолжаем гулять, но уже в сказочном лесу...

Лес действительно напоминал декорации к сказочному или приключенческому фильму. Спуск с пригорка, на котором стоял дом, покрылся обломками скал и гниющим буреломом, лишь в одном месте, где случилось меньше камней, кем-то был расчищен проход. Внизу, где в реальности до самой реки продолжалась роща с разбросанными по полянам коттеджами, теперь жаркими испарениями курилось болото. На воде дробно пестрела ряска, возле настоящих сосен (Никуда они, конечно, не делись, но давно знакомые стали словно незаметными) торчали кочки осоки и тонконогой пушицы, жирно зеленели листья белокрыльника.

Гелия, собрав детей на крыльце, на секунду сбежала вниз, убедившись, что болото, как и прочие новообразования, не настоящее, разрешила всем спуститься с крыльца. Быстро придумав подходящую к окружению игру – странный гибрид из «Красной шапочки» и «Мальчика-с-пальчик», забежала в дом и попыталась дозвониться в координационный центр, узнать, что происходит. Дозвониться не удалось, очевидно, не одну её волновали эти вопросы. Кухонное оборудование работало исправно, и ужин Гелия заказала на двенадцать человек, хотя и знала, что семерых детей в течение ближайшего часа заберут родители. Но происходящее тревожило её, значит, надо быть готовым ко всякому.

И события начались, но вовсе не те, которых ждала Гелия.

– Бык! Бык! – закричал Костик.

На поляну, раздвинув кусты, вышла корова. Низкорослая, неопределённой масти бурёнка, по самое брюхо вымазанная болотным илом, она явно принадлежала к призрачному миру. Дети шумно кинулись под защиту Гелии, только Жанна, обычно жившая на родительской ферме и привыкшая к виду домашних животных, поспешила навстречу гостье и была сильно разочарована, обнаружив, что и это одна лишь видимость. Следом за первой коровой на поляну высыпало всё стадо: ещё две коровы, обе с годовалыми телятами, бык, вид которого заставил детсадовцев примолкнуть, десятка полтора овец и баранов, тоже вымазанных в грязи и оттого не похожих ни на что ранее виданное. Стадо двигалось в абсолютной тишине, словно толстое стекло отгораживало его от зрителей. Последними появились пастухи: чумазый и патлатый мальчишка с длиннющим кнутом в руках, которым он непрестанно и неслышно хлопал,

подгоняя отстающих, и высокий молодой парень, тоже странно и грязно одетый, но шагающий так, словно не было заросшего подъёма, а до этого изматывающего перехода по истлевшей гати.

«Красавец» – подумала Гелия.

Парень, не доходя нескольких шагов, остановился и, глядя в лицо Гелии, произнёс что-то, очевидно громко и отчётливо выговаривая слова, потом размашисто перекрестился и плюнул через плечо.

– Что, киногерой, – сказала Гелия, стараясь избавиться от ощущения, что парень видит её и обращается именно к ней, – озвучить-то тебя позабыли...

В доме загудел сигнал вызова. Кто-то, родители или начальство, сумел пробиться к ней по перегруженной телефонной сети.

* * *

Великий миракль, явившийся в день святого Стефана, равно напугал и изумил всех, но никого он не оскорбил так, как благородного ландграфа Августа. Хотя иным могло показаться, что судьба обошлась с его сиятельством менее жестоко, чем с прочими. Замок Августа стоял в излучине реки на высоком берегу, и когда свершилось чудо, здесь не оказалось ни бесовского города, откуда едва сумели бежать жители окрестных сёл, ни адских кузниц, где, как рассказывали очевидцы, железные пауки под присмотром бесплотных обитателей творили стальное подобие жизни – самобеглые повозки, носящиеся повсюду и до икоты пугающие людей. На месте замка явились древние руины: осыпающиеся остатки башен, проломленные стены. А возле разрушенных ворот граф увидел лежащий на земле каменный барельеф – дракона, поверженного львом. Увиденное могло означать лишь одно: призраки глумливо предсказывали, что род его прервётся, стены замка падут, двор зарастёт едким лютиком, а прославленный в походах графский герб будет втопан в грязь.

Разгневанный граф приказал перебить всех случившихся поблизости пришельцев и снести несколько стеклянных сараев, выросших посреди двора. Челядь была в панике, и Августу самому пришлось взяться за меч. Лишь после этого он понял, почему чужаки ходят безоружными и мастерят сараи из хрупкого стекла. Оружие не причиняло им вреда, меч не рассекал их, и пики не пробивали. Камни пролетали сквозь стекло словно по пустому месту. Хотя напугать призраков неукротимый граф сумел: они бросились в бегство.

Победа над неуязвимым противником слабо утешила Августа, ведь оставались развалины, нелепые стеклянные строения, вдалеке громоздились башни призрачного города, а по нижнему этажу замка, порой проходя сквозь стены, злоумышленно бродил толстый чёрный кот. Посланец дьявола двигался совершенно бесшумно и не обращал внимания на все попытки убить его, словно не видел и не слышал атакующих людей.

Размыслив, ландграф решил отложить оружие и взяться за святую воду. Он велел капеллану отслужить молебен и послал людей в монастырь за помощью. Неожиданно вместе с настоятелем и монахами в замок приехал сам архиепископ – преосвященный Феодосий. Август недолюбливал церковников, поскольку всегда помнил, что именно монашествующие рыцари помогли его предкам укрепиться в землях, отнятых у схизматиков в тяжких крестовых походах, но архиепископа принял отменно вежливо. Общая нужда заставляла мириться с давним недругом.

Архипастырь благословил встречающих, покосился на уродующее двор стеклянное непотребство, но, очевидно наскучив бессмысленным занятием, экзорцизм читать не стал, а молча проследовал на второй этаж в каминную залу.

– Что скажете, ваше преосвященство? – спросил ландграф. – Видения – это по вашей части.

– Вы правильно сделали, сын мой, что в час бедствий обратились к нашей общей матери – церкви, – начал Феодосий. – Миракли могут посылаться господом, а с божьего попущения и внушаться дьяволом. Не будем судить о природе данного чуда, но поговорим о делах более насущных. Ибо, как и всякое испытание, чудо святого Стефана позволяет отделить овец от козлищ, выявить тайных недругов и всех пошатнувшихся в вере. – Архиепископ наклонился вперед и, глядя в глаза графу, продолжил коротко и жёстко, не затрудняясь подбором округлых фраз: – В городе паника и всеобщее недовольство, по деревням – смута. Одни ждут конца света, другие проповедуют против церковного учения. Ещё немного – и государство разрушится. Ваше сиятельство, оставьте призракам их мерзости и займитесь делами. Сейчас, когда искушение высветило душу каждого, мы сможем очистить народ и от зёрен бунта, и от противных церкви суеверий.

– Вы уверены, что призраки не вмешаются? – задал вопрос граф.

– Пусть вмешиваются. Они бесплотны, убить их невозможно, но и они не могут сделать ничего.

– Как я должен поступать?

– Необходимо послать людей по деревням. Всякий, кто склонился к призракам – враг. Завтра во всех церквях объявят, что это всего лишь искушение, и следует жить так, словно ничего не изменилось. Как поступать с жизнью и имуществом ослушников – вы определите сами. Ибо сказано: «Упорство невежд убьёт их и беспечность глупцов погубит их. А слушающий меня будет жить безопасно и спокойно, не страшась зла.» Благословляю вас на подвиг, сын мой, но помните, что церковь ждёт своей доли.

– Я завтра же вышлю солдат.

* * *

С самого начала Инна чувствовала, что добром её поездка не кончится. Одно дело – оставить дочку, улетающую в командировку, совсем другое – бросить, отправившись отдыхать. Но Регина так упрашивала её поехать вместе, и воспитательница в Хвойном говорила, что всё будет прекрасно, что Таточке у неё нравится. Короче, уговорили – согласилась, дура. И тут, конечно, начинается этот кошмар. Люди, говорят, с ума сходят, не выдержав зрелища проросших друг в друга миров. Гелия – прекрасный человек, но вдруг и с ней, не дай бог, произойдёт что-нибудь подобное?

Регина, добрая душа, сразу согласилась, что надо возвращаться и даже отправилась вместе с ней, только в Хвойный не поехала, осталась в городе. В городе сейчас не в пример легче, средневековое поселение в точности спроецировалось на исторический центр, где и так почти никто не живёт. А в высотных зданиях вообще можно жить, словно ничего не произошло.

Искажённый пейзаж, деревья, пронзившие дома, причудливо наложившиеся строения – всё это было необычно и удивительно, но по-настоящему Инну потрясли люди. Бедные и богатые, одетые пышно и едва прикрытые изношенным тряпьем они казались на одно лицо. Изрытая серая кожа, истончившиеся выпадающие волосы, кривые тонкие ноги, словно в насмешку обтянутые цветным трико и украшенные преогромными башмаками. Почти не встречалось здоровых людей, каждый второй тяжко страдал рахитом, каждый третий – туберкулёзом. Столь явные признаки болезней Инна наблюдала лишь на муляжах и в специальных фильмах, когда училась на врача. Теперь она видела их воочию. Но самым страшным была агрессивность этих жалких людей. Конечно, и среди них были удивлённые и восхищённые чудом, но первыми в глаза бросались те, что пытались напасть, ударить, убить. И это люди эпохи раннего Возрождения, так во всяком случае, объявили растерявшиеся средства массовой информации! Инна перебирала то немногое, что она помнила об этой эпохе. Рыцарские романы, суды любви, расцвет готики. Красивые люди, благородные мысли и поступки. А она видела грязь и завшивев-

ших калек. И знала, что Таточка далеко и она тоже брошена в этот водоворот, на неё замахиваются, угрожая, страшные, непредставимо чужие люди...

Инна гнала машину от города к Хвойному Бору мимо знакомых полей. Поля остались почти такими же, как прежде, лишь в одном месте неподалёку от дороги выросла группа вымазанных глиной развалюх. И вот там, на фоне глинобитной стены Инна заметила фигуру девочки.

– Тата!

Визгнув колёсами по дорожному покрытию, машина остановилась. Инна заторопилась к хутору. Она уже видела, что ошиблась, приняв на скорости чужую девочку за свою дочь. Возраст, конечно, одинаковый, и косичка похожа, а так, сразу заметно, что девчужка из другого мира. Разве стала бы Тата носить такую хламидку... Но всё же, Инна подошла, чтобы удостовериться наверняка. Девочка настороженно следила за ней.

Инна улыбнулась.

– Ну, здравствуй, – сказала она, – что букой смотришь? Не бойся, я тебя не съем...

Инна понимала, что девочка не слышит её, но уйти, оставив ребёнка испуганным, не могла. Иначе, какой она к чёрту врач? Поэтому она продолжала говорить, ориентируясь больше на жесты, выражение глаз, чем на бесполезные слова и интонации.

– Что же мне тебе подарить? Подарка ты взять не сумеешь, значит, его для тебя как бы и нет.

Инна порылась в сумочке, нашла блокнот и карандаш, быстро нарисовала на чистой странице большого улыбающегося кота. Страх в глазах у девочки уже не было, она заворуженно следила за движениями грифеля. Потом протянула руку и, ткнув пальцем сквозь блокнот, произнесла что-то.

– Правильно, это киса, – согласилась Инна. – Знаешь что, давай сделаем так: я оставлю тебе рисунок, пусть он лежит здесь, а ты, когда захочешь, будешь приходить и смотреть...

Инна вырвала из блокнота лист, положила его на землю, прижала камешками так, чтобы его не унесло ветром. А подняв голову увидела в нескольких шагах перед собой четверых клоунски разодетых людей. Трико из разноцветных лоскутов, пёстрые куртки с разрезанными рукавами, собранными бантами – не хватало лишь трёхрогих колпаков с бубенчиками. Зато немые руки крепко сжимали древки страшных полукопий-полутопоров.

«Ландскнехты – вот это кто», – вспомнила Инна.

Один из ландскнехтов, судя по пышности наряда – главный, произнёс какую-то тираду, указывая на Инну. Девочка слушала, прижавшись к стене, потом бросилась бежать.

Ещё бы не испугаться таких монстров! – Инна выпрямилась.

– Зачем ребёнка пугаете? – сердито сказала она.

Солдаты уже бежали на неё, и один резко и без размаха ткнул концом алебарды ей прямо в лицо. Инна отшатнулась. Отшарканное камнем лезвие прошло сквозь голову, не причинив ни малейшего вреда, но вид его был невыносимо страшен и инстинктивно заставлял уклоняться.

– Что вы делаете?! – крикнула Инна, но стражники уже пробежали мимо и сквозь неё. Они гнались за девочкой.

За углом открылся двор, мощёный вбитыми в утопанную землю плоскими камнями. В открытом очаге тлел огонь, на котором исходил паром чёрный котёл, темнели провалы распахнутых дверей, где никого не было, но какой-то явно ощутимый вихрь подсказывал, как быстро пробегали только что через эти проёмы спасающиеся жители. Не успели скрыться только двое: девочка, которой было слишком далеко бежать, и древний старик – не седой даже, а изжелтевший от времени словно старая бумага. Девочка пробежала едва полпути, а старик неожиданно сильно поднялся, угрожаясь поднимая руку с зажатой в кулаке вычурной резной палкой.

Дальнейшее произошло мгновенно, но для Инны это мгновение показалось чёрной застывшей вечностью. Топор алебарды обрушился на затылок девочки, на чепчик, из-под которого смешно торчала перевитая шнуром косица. Удар второго убийцы свалил старика.

Инна упала на колени рядом с тем, что полминуты назад было живым ребёнком. Она видела, что ничем не может помочь, даже если бы девочка была здесь, а не в своём злобном времени, даже если бы здесь было оборудование её клиники, всё равно уже ничем нельзя помочь, и остаётся только раскачиваться и выкрикивать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.